

- - [Волоколамский патерик](#)
    - [О Волоколамском патерике](#)
    - [ОБ ОТЦЕ МАКАРИИ КАЛЯЗИНСКОМ](#)
    - [РАССКАЗЫ ОТЦА ПАФНУТИЯ](#)
    - [О великом князе Иване Даниловиче](#)
    - [О видении великого князя Ивана Даниловича](#)
    - [О Витовте](#)
    - [О милостыне](#)
    - [О князе Георгии Васильевиче](#)
    - [О ворах](#)

Введение

Содержание
Волоколамский патерик

Волоколамский патерик

О Волоколамском патерике

Волоколамский патерик – сборник рассказов о жизни святых иосифлянской школы русского монашества, прежде всего произведений о самом Иосифе Волоцком, его ученике Пафнутии Боровском, сподвижниках и учениках, а также сказаний, бытавших в этой монашеской среде. Волоколамский патерик создается в первой половине XVI в. и открывает ряд монументальных памятников той эпохи (Стоглав, Домострой, Великие минеи четии митрополита Макария и др.). Появление патерикового свода именно в Иосифо-Волоколамском монастыре закономерно. По словам В. О. Ключевского, в XVI в. «ни один русский монастырь не обнаружил литературного возбуждения, равного тому, какое находим в обители Иосифа» (Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 291–292). Писатели-иосифляне активно работали не только в публицистических, но и в агиографических жанрах («житие», «служба», «похвала», «надгробное слово», «патерик»), доказывая существование «новых чудотворцев» и готовя их канонизацию на церковных соборах 1520–1540-х гг. Многие агиографические сочинения, созданные ими, имеют пропатериковый характер, например Житие Пафнутия Боровского редакции Вассиана Санина, 10-е слово Духовной грамоты Иосифа Волоцкого.

С Иосифо-Волоколамским монастырем связана литературно-книгописная деятельность Досифея Топоркова (ум. после 1547 г.), составителя патерика, и Вассиана Кошки (ум. в 1568 г.), который продолжил его труд. Оба писателя были кровными или духовными «сродниками» Иосифа Волоцкого: Досифей приходился ему племянником; Вассиан жил в монастыре «под началом» старца Фотия, бывшего учеником Кассиана Босого, близайшего сподвижника Иосифа. Оба писателя были людьми энциклопедических знаний и универсального художественного таланта. Они славились как книгописцы-профессионалы, агиографы, публицисты, кроме этого, Досифей Топорков был известен как художник, близкий к школе Дионисия, и составитель Хронографа 1512 г., а Вассиан Кошка – как лексикограф. Деятельность обоих монахов-писателей не ограничивалась стенами Иосифо-Волоколамского монастыря. Материал для будущих патериковых сборников дала им жизнь в монастырях Москвы, Подмосковья и Твери, поэтому Волоколамский патерик выходит за рамки «агиографической монастырской летописи». Создание патерика

способствовало усилению роли Иосифо-Волоколамского монастыря в делах государственного, религиозного и литературного развития страны, по значению ставило его в один ряд с Киево-Печерской лаврой, первой «академией» русских писателей и церковных иерархов.

Многие проблемы, связанные с историей формирования и бытования Волоколамского патерика, решить до конца нельзя из-за утраты авторской редакции произведения.

О содержании и структуре патерика Досифея Топоркова мы можем судить по описанию рукописи Иосифо-Волоколамского музеиного собрания (№ 17664), сделанному П. М. Строевым в конце XIX века (см.: Строев П. М. *Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый-Иерусалим, Саввина-Сторожевского и Пафнутьева-Боровского*. СПб., 1889. С. 201).

В авторский список патерика входили следующие тексты: предисловие о месте и времени основания Волока Ламского (без начала); «Слово о житии Пафнутия Боровского» и цикл «Повестей отца Пафнутия»; «Надгробное слово Иосифу Волоцкому» и рассказ о Макарии Калязинском, записанный Иосифом со слов святого; разные повести, «приложенные писавшим сию книгу, им самим слышанные и виденные».

Фрагменты патерика Досифея Топоркова дошли до нас в двух сборниках Вассиана Кошки 60-х гг. XVI в. № 927 из Синодального собрания ГИМ (по нему произведение было опубликовано в 1914–1915 и 1973 гг. и публикуется в настоящем издании) и № 1257 из Музейного собрания РГБ, в состав которого входят фрагменты патерика, отсутствующие в первом сборнике (они впервые публикуются в настоящем издании). Сопоставление содержания Волоколамского патерика Досифея Топоркова с текстом произведения в сборнике из Синодального собрания позволяет сделать вывод о том, что Вассианом Кошкой была создана новая редакция памятника, в которой первоначальный замысел Досифея Топоркова был развит и укрупнен. Весь сборник Вассиана Кошки представляет собой патериковый ансамбль. Иосифлянское начало в сборнике усилено путем введения в него Жития Иосифа Волоцкого редакции Саввы Крутицкого и публицистических сочинений самого Иосифа. Пафнутьевский же цикл произведения предельно сокращен (нет жития святого) и выступает как часть Иосифова, повествуя об истоках иосифлянства. Идея духовной и литературной преемственности реализуется через введение в сборник сочинений, посвященных ученикам и последователям Иосифа (жития Фотия Волоцкого, Кассиана Босого). Дорожа идейно-тематическим единством сборника, Вассиан Кошка

нарушил хронологический принцип расположения материала в патерике, главный для Досифея Топоркова. Однако оба патериковых сборника имеют и много общих черт: открытость жанровой структуры, мысль о преемственности в духовной жизни народа и культ наставничества-ученичества, рассмотрение монастырской истории как части общерусского процесса развития.

Волоколамский патерик является ценным историческим источником. Его рассказы в образной форме обосновывают союз «царства» и «священства» в борьбе за единение страны, консолидацию русских земель вокруг Москвы, централизацию власти. В патерике нашла отражение ожесточенная борьба официальной церкви с пережитками язычества, с еретическими движениями, обосновывалась необходимость самых суровых мер по искоренению инакомыслия в стране. Ярко выраженное полемическое начало в патерике Досифея Топоркова сближает памятник с произведениями русской публистики XV–XVI вв., сочинениями Иосифа Волоцкого и писателей иосифлянского круга. Материал патерика может служить основой для исследования эсхатологических воззрений Древней Руси. Цикл рассказов Пафнутия о «хождениях» по раю и аду развивает традиционную для мировой средневековой литературы тему загробной судьбы человека, перекликается с четвертой книгой Римского патерика и «Божественной комедией» Данте. Ряд рассказов Волоколамского патерика, в основном фольклорного происхождения, посвящен национально-патриотической теме, действие их восходит к временам, «когда Орда слыла Златая», к судьбоносным для русской истории событиям 1480 г. Волоколамский патерик донес до нас такие ценные исторические свидетельства, как рассказ о «моровой язве» 1427 г., после которой «мало же и редко остался людей», и связанный с ним цикл «слов», где героями являются князь Иван Данилович Калита, митрополит [Петр](#), литовский князь Витовт. Агиографической части Волоколамского патерика предпослано «летописное» вступление, в котором кратко излагается история основания города Волок-на-Ламе и монастырского строительства в нем, причем дается она в широком контексте истории всей страны: от расселения славянских племен до нашествия Батыя.

Широк и разнообразен жанровый состав памятника. В Волоколамский патерик входят поучение Иосифа об общежительстве и личном нестяжании монахов, дидактические новеллы на тему «бесования женского», популярные в монашеской среде, христианские легенды и религиозные сказания, жития и рассказы-воспоминания о святых, бывших современниками Досифея и Иосифа. Если «легендарная» часть патерика

(«Повести отца Пафнутия») занимательна и острожетна, погружает читателя в мир религиозной фантастики, то «мемуарная» часть больше дорожит историческими и бытовыми подробностями, публицистична по своему характеру, так как события недавнего прошлого еще не успели подвергнуться процессу фольклоризации, стать монастырским преданием. «Предлагая в целях назидания не отвлеченные рассуждения и нравоучения, а наглядные, конкретные примеры нравственных совершенств, а равно и наказаний свыше за грехи, изложенные в виде коротких занимательных своею фабулой рассказов, давая лишь изредка чистое наставление, и то в краткой афористической форме», Волоколамский патерик отражал уровень художественного развития древнерусского общества, литературные интересы широкой читательской аудитории (см.: Кадлубовский А. П. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. 1–5. Варшава, 1902. С. 140).

Волоколамский патерик

Поскольку многие монахи издавна сочиняли повести о древних святых, с которыми они вместе жили и от которых многое слышали, иное же сами видели и узнали, странствуя по монастырям, и по лаврам, и по пустыням, – чудеса, совершающиеся по воле Бога и его святых, умерших или пребывающих еще в этом мире, и не только сами из этого извлекали пользу, но и другим через написанное передавали то, что случилось в древности, не скрыв таланта, как достойные строители благодати Владыки, чтобы не были забыты со временем Божьи чудеса и святых его, – захотелось и мне последовать святоотеческому преданию, описать для тех, кто будет после нас, совершившееся прежде наших отцов, как слышанное от ранее живших святых и в их времена случившееся, что они нам поведали, так и произшедшее в наше время, что мы от других узнали или сами видели, бывшее в обители отца Пафнутия и ученика его отца Иосифа, о чем слышали от них и от их учеников, живших в их монастырях, потому что отец наш Иосиф после кончины отца своего Пафнутия вернулся на родину, на Волок Ламский, и с Божьей помощью создал свой монастырь.

Тот Волок изначально был владением Великого Новгорода. Следует сказать и о Великом Новгороде, ибо древним был тот город. Во времена святых апостолов города тут еще не было, но там, где ныне Новгород, жили люди, которых называли «славянами». Святой же апостол Андрей захотел пойти в Рим, и проплыл в устье Днепра, а по нему в Понтийское море, и так прибыл в Рим. Славяне же после его ухода расселились по многим местам. Некоторые из них стали жить около большого озера Ильменя, и построили город, и назвали его Новгород, и стали называться

«новгородцами», и были некрещенными до великого князя Владимира.

Волок Ламский – владение того города, и под властью новгородского архиепископа находится до нашего времени. Этот город является таким же древним. Первоначально он располагался на берегу Ламы-реки, ныне этот город великого князя Владимира, крестившего всю Русскую землю, называется «Старый Волок». После смерти Владимира великий Ярослав, его сын, обезжая русские города, пришел на Старый Волок. И, отойдя от него два поприща, поставил шатры на горе близ речки, что впадает в Ламу, чтобы отдохнуть в середине дня. И явился ему во сне старый человек, и указал перстом на другую сторону реки, говоря: «На том месте заложи город Волок и людей приведи оттуда». И показал на возвышенность рядом, и сказал ему: «А на этой горе поставь церковь Воздвижения Честного Креста Христова и создай монастырь. А на горе, на которой отдохнешь, воздвигни церковь во имя святого пророка Ильи и также сотвори монастырь». Князь спросил его: «Господин, кто ты?» Он же ответил: «Я боговидец пророк Илья», – и, сказав это, стал невидим. Пробудившись, благочестивый великий князь Ярослав сделал все, что повелел ему святой пророк Илья. И построил город Волок там, где и доныне стоит, и оба монастыря на указанных ему горах, и внутри города соборную церковь Воскресения Господа нашего Иисуса Христа. И дал священникам и обоим монастырям на содержание тамгу со всего: и померное, и явку, и пятно; и дал им вечные грамоты, и печати золотые приложил, которые мы сами видели и читали. И хранились они до князя Бориса Васильевича почти пятьсот лет; и тот взял их, не знаю, с каким намерением, в свою казну, а им дал свои грамоты (возможно, хотел надежнее сохранить их, но не сумел). Когда он скончался, пропали у него в казне, и погубил память предков своих.

Как Великий Новгород никогда не был завоеван кочевниками, так и удел его Волок. Когда Божьим попущением, ради наших грехов, безбожный агарянский царь Батый Российскую землю взял в плен и пожег, то он пошел к Новгороду, который Бог и пречистая Богородица защитили явлением архистратига Михаила, запретившего ему идти на Новгород. Батый пошел на литовские города, и пришел к Киеву, и увидел написанный над дверями каменной церкви образ великого архангела Михаила, и сказал своим князьям, указывая на него перстом: «Этот мне запретил идти на Великий Новгород».

Все это поведал своим ученикам отец Пафнутий, услышав от тех, кого поставил Батый властителями по русским городам («баскаками» называли их на языке врагов), и от своего деда Мартына, который был баскаком в

городе Боровске. Когда же безбожный Батый был убит секирою, данной Богом, венгерским королем Владиславом, которого крестил святой Савва Сербский из католической в православную веру, на коне, посланном от Бога, тогда все правители Русской земли приказали убивать поставленных по городам властителей Батыя, если они не примут крещения. И многие из них крестились. Тогда и отца Пафнутия дед крестился и был наречен Мартыном.

Я же захотел написать о жизни отца Пафнутия, как сообщал выше, все, что от него слышал и от его учеников, бывшее в его монастыре и в других, о чем он поведал своим последователям; а также о жизни ученика его, отца Иосифа, которого мы почтили «Надгробным словом» и о жизни которого кратко рассказали: кто и откуда был, – что от него узнали и сами видели в его монастыре и других, все, что он нам поведал, мы также изложили по порядку. Пишем же мы об этом не потому, что святые отцы этого требовали, но для того, чтобы мы, читая, старались подражать их житию, – поэтому следуем древнему преданию, так как в патериках не только великих и чудотворных отцов жития, и чудеса, и слова, и поучения написаны, но и тех, что не достигли такого совершенства, но по силе возможностей подвиги творили, и тех тоже жития и слова описаны. О них пишется: один уподобился солнцу, другой луне, иной же большой звезде, некоторые малым звездам, – но все пребывают на небе. Как у земных царей знатные люди, подобно друзьям, большую свободу имеют и могут совершать все, что хотят, и помогать просящим у них, а которые менее знатны, обладают властью, но не такой, а иные воины подобны малым золотым монетам, если и не имеют власти над людьми, то для себя извлекают пользу, но тоже пребывают в царской палате, – так же надо разуметь и о святых. Как апостолы, названные Господом друзьями и братьями, как мученики и чудотворцы – все эти святые могут помогать молящимся, всем им святые отцы на весь год создали каноны и праздники и, как должно, узаконили в Христовой церкви; иных же великих и чудотворных отцов остали, таких как Паисий Великий, Иоанн Колов, и Аполлоний, и Марк, и Макарий Александрийский, и бесчисленное множество других, которым завещано вместе праздновать, малым и великим, в воскресенье по Пятидесятнице, а жития и чудеса их писать в патериках.

Ныне же мы дошли до последних дней и не можем сравниться с великими и соборными старцами, но, как говорили святые, те, что в последние времена будут спасаться многими скорбями и бедами, будут не меньше первых, – ради этого изволил я написать в патерике, по

старинному преданию, о тех, кто по силе возможностей совершал подвиг трудничества: сначала об отце Пафнутии и его учениках, и что от него слышали; затем об отце Иосифе и его последователях, и что от него узнали и сами видели, также все, что поведали мне миряне. Постарался я описать, что от древних святых бывало и от живущих в нашей земле святых, ради неправедно говорящих и думающих, что в нынешние времена таких знамений не бывает: утверждающие это хотят и ранее совершившиеся знамения подвергнуть сомнению, не ведая, что и сейчас тот же Бог, сам и святыми своими, до конца мира творит чудеса. Мы же, предостерегая от такого зломудрия, постарались описать то, что действительно было в наше время, последуя древнему отеческому преданию, во славу Бога и его святых. Сначала скажем следующее.

Говорил старец Иосиф: «Как монах, пребывающий в своей келье, прилежно занимаясь рукоделием, и молитвой, и чтением, и углубляясь в свой внутренний мир, принимает утешение от облегчения совести и слез, так и начальствующий над братией одно имеет утешение, если находит своих духовных детей живущими по заповедям Бога, по божественному апостолу “Не имею большей радости, чем видеть своих детей пребывающими в истине”». Сказал также: «Истинное родство есть, если, уподобившись добродетелями ближнему, творишь богоугодные дела, разделяя все его страдания». Сказал еще: «Следует иноку, пребывающему в общежительном монастыре, часть пищи оставлять и говорить: “Это часть Христа моего”». Изрек и другое: «Если монах удовлетворяется трапезной пищей, не будет за это осужден, так как она дается с благословением. Горе же тайно вкушающему, по утверждению Григория Двоеслова, и вещи, и деньги имеющему в личном пользовании». Сказал и это: «Милостыня обще живущим, если они пострадают друг от друга, и претерпят от обидевшегося на него брата, и не воздадут злом за зло».

Поведал нам отец Иосиф: «Пришли ко мне два человека, оба мирянина, по-божески живущие, оба мне дети духовные, имена обоих означают “Божий дар”: Феодосий-живописец и ученик его Феодор, который в иночестве носил имя учителя, – оба они по имени и жизнь свою построили, от младенчества обрели светильники девственности. Пишется ведь так: “Без Божьей благодати этого не совершишь, не обрести путь истинный, ибо девственность есть огонь”. Они же не только его стяжали, как неразумные девы, но постоянно, подобно мудрым, покупали масло, до полного истощения раздавая свое имение, чтобы не угасли их светильники, ибо огонь – девственность, масло же – милостыня. Это сказал я о них, желая показать, что говорили они истину, а не коварную

ложь, ибо от них я слышал такое страшное чудо.

Как говорил я выше, эти люди пришли ко мне. Был же тогда розыск от державных государей Русской земли на безбожных еретиков. Привели некоего человека, которого и я знал, и имя его мне известно, но не пишу, так как, по слову Господа, не достоин он упоминания. Он же, желая скрыть истину, начал рассказывать: “Однажды стоял я в церкви и размышлял о том, что слышал от проявляющих ложную мудрость еретиков, и подумал: «Если бы верно было их учение, то как святые апостолы, которые проповедовали христианство и за то кровь свою проливали, так же и мученики, и сколько святителей мудрых и чудотворцев было – все одинаково рассуждали?» Опять начал я размышлять как еретик, и неожиданно исходящий от алтаря огонь хотел опалить меня. Я же упал ниц, молился и с тех пор полностью отказался от еретических мыслей”. Это же говорил не истинно, а желая избежать надвигающегося наказания, как потом станет известно. Они же поверили ему и отпустили.

Со временем он был поставлен в священники. И, отслужив литургию, пришел в дом свой, держа в руках потир. Печь тогда топилась, а жена его, стоя рядом, готовила пищу. Он же, вылив содержимое потира в огонь печи, отошел. Жена же его посмотрела в печь и увидела в огне малое дитя. И послышался голос его: “Ты меня здесь огню предал, а я тебя там вечному огню предам”. Тотчас разверзлась кровля избы, и жена видит: прилетели две большие птицы и, взяв отрока из печи, полетели на небо. (Ей привиделись птицы, но то были ангелы). И кровля избы встала на свое место. Она же, испугавшись, никому не рассказала об этом. У нее была одна знакомая женщина, которая часто к ней приходила и которая жила рядом с домом того человека, что мне об этом поведал. И так как была ей близка и пользовалась доверием, то рассказала ей женщина, что сотворил ее муж-поп и как видела дитя в огне и голосу его внимала. Услышав это, та женщина, объяная страхом, призналась мужу своему. Муж же ее был знаком тому, кто мне рассказал, и сообщил он ему, что слышал от своей жены. Он же нам поведал».

Мы же прославили Бога, творящего преславные чудеса, и с тех пор поняли, что не только православные, недостойно служащие и крестящие, но и которые являются тайными еретиками и из страха человеческого совершают службы по правилам соборной церкви, и мы от них получаем крещение, и исповедуемся у них, и божественные тайны от них принимаем, и эти ничем не вредят нам, ибо Бог совершает свои таинства Святым Духом и служением ангельским. Как многие святые

свидетельствовали, разве только от отъявленных еретиков и совершающих службы не по церковному правилу – от этих надо удаляться, и дружбы с ними не поддерживать, и избегать их, как врагов истины. Богу нашему слава!

Поведал нам отец Вассиан, брат отца Иосифа, бывший потом архиепископом Ростовским. «Когда стоял я, – говорил, – в московском соборе честного Успения преславной владычицы нашей Богородицы, видел некоего крестьянина, который прилежно молился великому мученику Христову Никите и выяснял, где его икона. Я же, сведущий в этих делах, видя веру человека и необычную его молитву, подойдя, стал выяснять причину такой просьбы. Он же отвечал: “Отец мой и господин, я долгое время страдал от болезни и всегда молился и призывал на помощь великого мученика Никиту. Все бывшие со мной в доме крепко спали, один я, лежа на постели у открытого окна, не мог из-за боли уснуть. Много раз понуждали меня родные позвать в дом чародея. Я же никак не хотел и молился всегда великому мученику Никите. Ночью же той я услышал, что ворота моего дома отворились. Подняв глаза, я увидел: муж светлый, сидя на коне, приблизился к окну, которое было открыто над моей головой, и сказал мне: «Встань и выйди ко мне!» Я же ответил: «Не могу, господин». Он же вновь сказал мне: «Встань!» Я пошевелился, и почувствовал себя здоровым, и вышел из дома так, что никто не услышал, и поклонился ему до земли.

А когда я вставал, видел очень черного человека с огненным мечом в руке; он прилетел на коне быстро, как птица, и хотел меня зарубить. Светлый же тот муж запретил ему, говоря: «Не этого, а такого-то и такого-то в том селении», – и название его сказал, также и имена людей, которые ходили к чародеям. Черный человек вновь быстро, как птица, улетел. Я же спросил светлого того мужа: «Господин, кто ты?» Он же отвечал мне: «Я Христов мученик Никита и от Него послан исцелить тебя за то, что в свой дом не ввел ты чародеев, но на Бога надеялся и меня призывал, чтобы помог тебе. И даст тебе Бог жизни еще двадцать пять лет». И это сказав, скрылся из глаз, выехав на коне из моего дома теми же воротами. Я поклонился ему, и затем он невидим стал. И уже, отец и господин, прошло пять лет, как случилось это.

Утром я рассказал об этом всем, кто был в моем доме. Они же, видя доказательство сказанному в моем здоровье, очень удивились и прославили Бога и святого мученика его Никиту. Я же наутро послал в названное селение, и обнаружили, что в ту ночь умерли люди, которых великий мученик повелел черному человеку убить, те, что ходили к

волхвам. И мы еще больше прославили Бога, что избавил нас от такой беды и смерти". Богу нашему слава!»

Поведаю вам другую повесть, что произошло в Иосифовом монастыре. Подобно тому как пребывающий в богатстве, если по-доброму распорядится им, спасение обретет, так и находящийся в нищете, если с благодарностью терпит, – как Избавитель наш в Евангелии упоминает Лазаря нищего, благодарного и терпеливого, – быть ему после кончины отнесенным ангелами на лоно Авраамово. Подобное случилось и в наше время. Некий человек, по имени Илья, был не очень знатного рода, но имел небольшую деревню; злые люди отняли ее у него, и поэтому жил он в нищете, не имея возможности приобрести необходимую пищу, в убогой избушке жил со своей женой, и то не в своей – у некоего христолюбца выпросил. И пребывал в крайней нищете, терпя с благодарением и молчанием, никогда не пропускал церковной службы; и, приходя в Иосифов монастырь, немногое, что требовалось ему, брал по повелению игумена.

Спустя некоторое время разболелся сухоткою, но до кончины пребывал в уме, и не терял дара речи. Брат его, монах, взяв больного, постриг в Иосифовом монастыре и ухаживал за ним до смерти. Когда же пришел час кончины, а его ум и речь еще были тверды, присутствующим при этом старцу и другим монахам больной Илинарх (так называли его в иноках) радостно и со смирением сказал: «А вот архангел Михаил», – и немного спустя промолвил: «И Гавриил». Брат же его, стоя перед ним, вздохнул и сказал: «Что-то еще даст Бог?» Он же, услышав, ответил: «Бог со мной». И так скончался.

Поистине удивительно, как открылись у него мысленные очи и познал он святых архангелов, которых никогда не видел. Из этого явствует: если человек во плоти был удостоен видеть и разуметь, тем более, отречившись от плотских уз, может узнать не только святых ангелов, но и всех святых. И из этого следует: хотя он и женат был, но пребывал в невинности, ибо братья его имели много детей, столько же прожив с женами, – вот почему Илинарх был удостоен этого видения. Так было от Бога, ему же слава ныне, и присно, и во веки веков.

В обители старца Иосифа был некий человек из знатного рода по имени Елевферий Волынский, он пришел к старцу Иосифу, и стал монахом его монастыря, и был назван Евфимием. Этот монах приходил в такое умиление и слезы, что не только в келье, но и во время церковной службы молитву Иисусову читал сосредоточенно и плакал беспрестанно; и в келье ничего другого не делал, только слезно плакал и преклонял колени;

и ни с кем не разговаривал; и на каждой литургии каялся в греховных помыслах, и получал у старца Иосифа прощение.

Однажды, когда он стоял на литургии, молясь и плача, внезапно от алтаря его озарил несказанный свет; он же был охвачен великим страхом и спустя некоторое время приблизился к клиросу и поведал старцу Иосифу о сиянии света. Старец же сказал ему: «Не внимай этому, думай только о молитве и слезах». После этого видения инок Евфимий принял схиму и причастился животворящего тела и честной крови Христа, Бога нашего.

Когда в один из дней он не пришел на утреннее славословие, отец-игумен послал к нему монаха, который будил братию; он же, прия с огнем, нашел Евфимия, лежащего на коленях перед образом Божиим и пречистой Богородицы, держащего в руках четки, с заплаканным лицом – на коленопреклонении предал душу свою Богу. Посланный же брат, думая, что Евфимий спит, хотел его разбудить и обнаружил, что он мертв. Такую смерть Бог посыпает готовым к ней, устрашая нас, неподготовленных, и на покаяние обращая, чтобы всегда помнили о неожиданном приходе смерти.

Спустя время после кончины его старец Иосиф рассказал нам о свете, осиявшем монаха Евфимия, о чем шла речь выше, и о том, как запретил ему обращать внимание на это. Мы же начали толковать случившееся как благое знамение. Он же сказал нам: «Если и благо будет, но нам не на пользу такое; от этого нужно отдаляться и не внимать ему, чтобы не принять вместо пастыря волка. Некоему из монахов явился Сатана, и несказанным светом осиял, и сказал ему: “Я Христос”. Он же закрыл свои глаза и ответил ему: “Я Христа не хочу здесь видеть”». Тем более нам, немощным, и перед концом света нельзя стремиться к такому, а надо иметь послушание, заниматься трудом, по силе возможностей прилежать посту и молитве, а также смиреню, считая себя ниже всех, так как это главная из добродетелей, и держать начало.

Как у нас инок Феогност, по мирскому прозванию Скряба, который положил житию своему такое начало: вместо рубашки возложил на тело железные латы, и каждый день читал псалмы Давидовы да пять канонов, и совершал тысячу земных поклонов да пять тысяч Иисусовых молитв. И не изменил этого обычая до своей смерти, которая произошла через три года. Как Епифаний, который был богатым и знатным человеком, но в юности отрекся от мирского и пребывал в послушании. Как достигший глубокой старости Досифей, который только пять лет со смиренением и в нищете служил всем, как незлобивый агнец и целомудренный голубь, а по прошествии пяти лет умер. И юный Давид, который семь лет страдал, как и древний Иов: черви, называемые волосатиками, грызли ему ногу и не

давали все ночи спать, и бывшие с ним не могли уснуть от его стонов и крика. И в той болезни скончался и отошел к Господу. И иные многие в нашей обители со смирением и послушанием совершили посильные для них подвиги; будучи созданы по законам вещественной жизни, по словам Лествичника, прожили они жизнь по вещественным законам природы. И все веруют Богу, что спасение получили.

Поведаю же вам другое чудо преславное, которое слышал от отца Никандра, что родился и жил в Литовской земле. Когда безбожный агарянский царь Ахмат пришел к Угре, Никандр, будучи еще мирянином, был пленен одним из князей Ахмата и принуждаем к отречению от Господа нашего Иисуса Христа. Повелел тот безбожный князь дать Никандру шнурок со множеством животворящих крестов, которые его злочестивые слуги отняли у христиан, чтобы бросил их в огонь (в том доме тогда топилась печь), а другому слуге повелел стоять с мечом, поднятым над головой пленника: если Никандр не ввергнет их в огонь, то отрубить ему голову. Никандр же предпочел лучше умереть за Господа нашего Иисуса Христа и сказал безбожному князю: «Мы крестам поклоняемся и целуем их». Злочестивый же князь повелел устрашить его смертью: резать понемногу шею Никандра и давать ему кресты, чтобы бросил их в огонь. Он же не хотел этого сотворить. Безбожный же князь повелел, взяв за шнурок, теми крестами бить Никандра без милости. Он же никак не подчинялся. И внезапно напал страх на безбожного царя Ахмата, и побежал он. Тогда и тот князь побежал. А Никандра в одной сорочке и босого бросили на льдине, и из-за сильного мороза пальцы на ногах его отмерзли. И после ухода безбожных взяли его, едва живого, в город; был он по своей воле мучеником и без крови принял этот венец.

Был он благоразумным человеком: хотя и не научился писать, но со слуха все в памяти хранил и разумел, скольких благ сподобил его Бог, потому что не отрекся от Него и не бросил в огонь честного креста, только сильно печалился, что не умер мученической смертью за Христа. И поэтому пожелал отречься от мира, и пришел в монастырь к старцу Иосифу, и стал монахом. С ним и я долгое время жил. Никандр пребывал в монастыре 43 года, исполненный всякими добродетелями: нестяжанием, и послушанием, и молитвой, и слезами; около тридцати лет служил больным, не имея даже своей кельи. Воздержание такое творил, что всегда, до самой смерти, не все, принесенное братиею, принимал, а обычно принимаемую пищу оставлял, говоря, как старец Иосиф: «Это часть Христа моего». О всех его добродетелях нельзя сказать мимоходом; это ему Бог помог совершить за то, что Никандр не отрекся от него – не

бросил в огонь великого и честного креста.

Никандр поведал мне это преславное чудо. «Когда я, — говорил, — еще жил в миру, на окраине Литовской земли, там была церковь владычицы нашей Богородицы, в которой многие чудеса совершались преславною Богородицею. Об одном из них тебе расскажу.

Была там некая вдовица из знатных людей, имела единственного сына, который находился на военной службе. Случилось так, что он, заболев, умер. Его же, как принято делать с умершими, обрядили и понесли к той церкви, чтобы предать погребению. Как только хотели положить его во гроб и засыпать землей, мать, беспрестанно рыдая, и ударяя себя в грудь, и терзая волосы, с громким воплем стала молить пречистую Богородицу и биться головой о гроб сына своего, говоря: “Верни мне, Владычица мира, живого сына и разреши вдовство и сиротство!” И много времени плакала горько, не давая положить его во гроб, так что и другие с ней плакали. И когда подняли его, чтобы положить во гроб, вдова упала на землю, горько плача. И вдруг пришел в движение умерший. И, открыв, распеленали его, как некогда Лазаря. Он же тотчас встал здоровым, будто никогда не болел. Бывшие же тут воскликнули: “Господи, помилуй!” — и со многим удивлением и страхом со вдовицей и сыном ее долго прославляли преславную Богородицу, сотворившую такое страшное чудо. И с того времени до второй смерти “Мертвым” звали его.

И спросили его, видел ли что там. А он отвечал: “Ничего не помню”. И стало ясно, что, если и видел он там бывшее, то забыл, потому что до нынешней смерти пробыл в этой жизни до сорока лет и все забыл, что в те годы было. Но когда воскрес, будто бы второй раз родился: и тамошнее, и здешнее — все забыл, подобно тому, как и нам часто случается во сне видеть, пробудившись же, все забыть. Как и о Лазаре писано, что ничего не поведал: или не позволено было видеть, или и видел, но не разрешено ему было рассказывать».

Бывает и другая смерть людям: по виду как мертвый, но душа его в нем, — это бывает с пораженными молнией и громом. Как Анастасий-царь поражен был громом и вскоре положен во гроб, а потом ожил и начал кричать во гробе, так же и в наше время некий юноша поражен был громом, его же вскоре погребли, и говорили о нем, что кричал в гробу. Также и некоторые из тех, что вином горящим опивались или от угару умирали, после нескольких дней оживали, потому что души их еще в них были и они не совсем умерли. И если от удара, или от скоротечной болезни, или внезапно умерли — всех этих не следует вскоре хоронить, тем более в холодное место класть: случается с некоторыми, что уже умерли,

но души их еще в них находятся. Некий монах умер, и, обрядив его, положили во гроб. И пришел пономарь взять и нести его в церковь, для того чтобы отпеть его, и нашел монаха снявшим с себя погребальные одежды и сидящим. И если бы вскоре похоронен был и во гробе ожил, то вновь жестокой смертью умер бы. Но тогда лето было, поэтому он остался в живых; если бы зима была, то умер бы он от мороза. Поэтому, как я уже говорил, не следует вскоре погребать, ни в холодное место тело класть.

Поведаю и другое чудо владычицы нашей, преславной Богородицы, которое было в наше время. Некий человек из боярского рода, по имени Борис, по прозванию Обабуров, постригся в монахи и был назван Пафнутием. И жил в монастыре старца Иосифа на Волоке Ламском. В том городе есть девический монастырь, а в нем церковь святой великомученицы Варвары. В том монастыре постриглась бывшая супруга вышеназванного старца. Их дочь, выданная замуж, вскоре сделалась расслабленной и немой; мать, взявшая ее, постригла в том же монастыре. И пребывала она немой и расслабленной 5 лет, даже рукой не могла двинуть.

Когда же в Иосифовом монастыре приблизился праздник преславной Богородицы, честного ее Успения, родители той инокини умолили старца Иосифа, чтобы разрешил принести ее ночью и положить в церкви Успения святой Богородицы в его монастыре. И он уступил их просьбам, несмотря на запрет входить туда женщинам. Послал одного старого священника и приказал совершить молебен. Когда началось пение, больная ощущила, как немного окрепло ее тело, также и горло, и повелела подняться с ложа, с которого никогда раньше не могла встать. Поднявшись, она, поддерживаемая двумя людьми, подошла и стала целовать икону Успения святой Богородицы. И, отведя, поставили ее у клироса; она же, держась за клирос, стояла до конца пения. Потом отвезли ее в свой монастырь.

И в пост преславной Богородицы захотела она причаститься животворящего тела и честной крови Христа, Бога нашего, за два дня до бессмертного Успения пречистой его Матери. И в ту ночь случилась с ней телесная немощь: она те дни пребывала без пищи, совершая молитвы. На божественное Успение пресвятой Богородицы перед литургией принесли ее в церковь того монастыря и поставили у клироса. Священный же инок, игумен Покровского монастыря, хотел произнести над ней «Покаяние» и велел ей вникать в силу сказанного. И когда произнес: «Исповедаюсь Богу и пречистой его Матери», – тогда открылись ее уста, и стала повторять за ним, и выздоровела. Священник был поражен великим страхом и говорил, трепеща. Она же чисто повторила за ним все «Покаяние» и по окончании сама быстро пошла в свою келью, с радостным криком призывая

родившую ее, извещая о своем исцелении и о бывшем с ней чуде, совершенном преславной Богородицей. И можно было видеть мать, радующуюся за свое чадо; и все, слышавшие об этом, вместе с ними прославляли Бога и пречистую его Матерь за преславные ее чудеса.

Подобает же и это поведать вам, что произошло в монастыре Иосифа. У благоверного князя Бориса Васильевича был некий боярин – князь Андрей, по прозванию Голенин, у которого было три сына: Иоанн, и Семен, и Андрей, – во всем подобны ему, и телом, и разумом, – и умер он. Потом старший сын Иоанн после тяжелой болезни, покаявшись и причастившись, преставился и был погребен в Иосифовом монастыре.

Вскоре после этого их мать Мария (такое она носила имя) после обеда, читая вслух Псалтирь и устав, легла немного отдохнуть. И, задремав, увидела сына своего Иоанна и с радостью молвила: «Дитя мое сладкое, ведь ты уже скончался». Он же ответил «Скончался, госпожа моя матушка». «Да каково, господин, тебе там?» Он же поведал: «Хорошо, госпожа, потому что на святую Великую пятницу искренне покаялся отцу духовному, и епитимию взял, и обещал впредь греха не творить, и сохранил меня Бог до смерти». И она сказала: «Так возьми, мое чадо, и меня к себе». А он отвечал: «Не тебя, а брата Семена». Она же вскричала со слезами: «Что ты говоришь, чадо мое?» А он, воздев руки, ответил: «Бог так повелел». И она, очнувшись, радостна и печальна была: радостна, потому что видела своего возлюбленного сына, получив известие, что находится он среди праведников; печальна же, потому что и второй ее сын будет взят у нее.

Вскоре и средний сын Семен разболелся, покаялся и причастился животворящих тайн Христа, Бога нашего. И так преставился, и был положен в Иосифовом монастыре вместе со своим братом. Мать же много плакала, как древняя Клеопатра, и всегда по ним творила многие милости и священные службы, и находила утешение в одном младшем сыне Андрее. И молилась, чтобы быть похороненной им. И по прошествии времени она скончалась, и была погребена сыном.

И сотворил он в ее память священноприношения и многие милости и был свободным от всех. И увидев несостоятельность сего мира, – ибо у него был совершенный ум и он хорошо знал Божественное писание, – и подражая божественному Святоше, отрекся он от мира, и множество слуг отпустил на свободу, и всех ублаготворил. Они же со многими слезами проводили его в монастырь отца Иосифа. И рукою его был пострижен, и облечен в священный иноческий образ, и был наречен Арсением. И многое богатство, и села свои – все вложил в монастырь отца

Иосифа, а прочее многое богатство раздал слугам своим и нищим. И был нищ Бога ради, и в плохие одежды одет, и выполнял тяжелую работу в хлебне и поварне, как один из нищих, по отношению ко всем был смиренным и многотерпеливым, как никто другой. И к отцу Иосифу имел великую веру, и все делал по его воле, как сын родной; и не только здесь с ним хотел быть, но и по смерти. Створил же родителям своим и себе вечную память в Иосифовом монастыре, чтобы поминали их во вседневном списке, пока стоит монастырь Пречистой, и по шести трапез устраивали на всякий год по ним на братию и на нищих. Таким благотворением не только себе принес пользу, но и своих родителей возместил недостатки.

Когда же Иосиф умер, он непрестанно молился у его гробницы Господу Богу и пречистой его Матери, и отца Иосифа призывал на молитву, и выражал желание отрешиться от плоти и быть с ним. И услышал Бог молитву его; и вскоре, немного поболев, принял великую схиму, и, причаствившись животворящего тела и крови Христа, Бога нашего, и простившись со всеми, с веселым лицом отошел к Господу. Братия же очень жалела о нем. Был он прекрасным человеком, и речь его была сладка, всегда Господа славил, и лицом был светел, имел бороду черную, густую и не очень большую, раздвоенную книзу, а роста был среднего. Положили его в приделе церковном с братьями его, которые прежде умерли, славяще Бога, которому слава ныне и присно.

ОБ ОТЦЕ МАКАРИИ КАЛЯЗИНСКОМ

Поведал нам отец Иосиф Волоцкий об отце Макарии Калязинском. Говорил, что он был родственником знатных бояр тверских, предки его назывались Кожины. Когда еще был юным, родители женили его. Он же понемногу уговорил жену отречься от мира и принять монашество. Также и он оставил мир и стал монахом. И в своих родных местах, в Кашине, на берегу великой реки Волги, создал монастырь и вотчину свою, все села, вложил в тот монастырь. В том месте жил земледелец по прозванию Каляга. Из смирения Макарии не разрешил назвать монастырь своим именем, но Калягиным назвал. Устав же принял не держать хмельных напитков, не есть, не пить по кельям.

Когда же собралось к нему много иноков, то он не пожелал принять священство и начальствовать над братией, но пожелал в смирении жить. И поэтому, выбрав одного из бывших с ним иноков, поставил его игуменом, сам же, как один из последних монахов, пребывал в труде, выполняя всякую работу, и носил самую плохую одежду, был очень смирен и кроток; и когда кого называл по имени, всякому говорил: «Старчушко добрый». И ничем, бывшим в обители, не владел, только следил, чтобы жили по установленному монастырскому закону.

Игумен же, объединившись с некоторыми монахами, начал нарушать бывшие в монастыре обычаи: и в пище, и в питии, и в прочем во всем отступать от установленного правила. Святой же много поучал его, но не послушался игумен; Макарий, доложив о нем епископу и другого избрав, сделал игуменом. Со временем и тот начал таким же образом жить, Макарий и того отставил от игуменства.

И когда святой достиг возраста зрелости, епископ начал самого его побуждать принять посвящение и начальствовать над братией в своем монастыре. Также и родственники его – Захария, по прозванию Бороздин, и другие все его родные – с трудом уговорили его, как наиболее достойного, принять священство. И, дав благословение, епископ послал его в монастырь начальствовать над братией; он же пошел, и должным образом пас свое стадо на пажити данного им закона, и всем был примером в лощении, и нищете, и в трудах, и в молитвах, и был первым в исполнении церковного правила. И был хорошим подвижником, и жил в простоте, подобно великому Спиридону. И многих учеников прежде себя отправил к Богу, потом и сам в старости должностным образом преставился,

умножив данный ему талант благодати, и обрел радость Господа своего, и поставлен был над учениками своими, которых он спас и которых ныне спасает в своем монастыре, тех, кто подражает его житию. И был положен около церковной стены.

И много лет спустя некий человек в Кашине, очень благочестивый и богатый, по имени Михаил, прозванием Воронков, имея великую веру в святого, захотел создать в его монастыре каменную церковь. И, когда копали ров, обрели гроб святого, целый и невредимый, и, открыв, увидели святого не только самого целого и невредимого, но и одежды его, будто в тот день положенные, ничем не поврежденные. И воскликнули все: «Господи, помилуй!» О чудо, братья, – пробыл святой в земле до сорока лет и больше, а обретен, будто сейчас положен.

Был же в обители его некий человек, у которого ноги были скорчены и который ползал всегда на коленях и руках, и поэтому его прозвали «Кочкой». И прикоснулся он к раке святого с воплем и слезами, и внезапно в тот же час выздоровел, скакал и хвалил Бога, как во времена апостолов у Красных дверей хромой. И потом всегда многие чудеса бывали от честных мощей Макария во славу Бога, как о них запись свидетельствует. Богу нашему слава ныне и присно!

Поведал нам тот же отец Иосиф. Был некий игумен в большом монастыре в Тверской земле, очень добродетельный: с младенчества чистоту обрел, в юности от мира отрекся – и жил долгое время, начальствуя над братией. У него был обычай стоять у передних дверей церковных, в которые братия входила и выходила; и если монахи выходили не из-за неотложных дел, а на паперть церковную на празднословие, он, одержимый яростью, бил тех жезлом, бывшим в его руках. И так поступал до кончины своей и неставил себе в вину этот недостаток, но думал, что совершает это ради пользы братии. Когда блаженный достиг конца жизни, охватила его руки болезнь и, как огнем, жгла их. Братия ставила ему кадку, полную снега, в который погружал он руки свои до запястья, и, когда таял снег, вновь насыпали. И так делали, пока он не скончался.

Сообщили об этом отцу Пафнутию, что в Боровске, он же сказал так: «Старец думал, что ради пользы братии он это делал, и потому не осуждал себя и не скорбел об этом. Вот почему Бог при кончине его здесь наказал страданием, чтобы там помиловать». Также написано о великом Арсении у святого Никона: некто из святых видел великого Арсения в неизреченном свете сидящего на золотом престоле, а ноги его были на ветхой колоде поставлены, и вопросил его о том, он же сказал: «Это из-за того, что ноги свои всегда омывал я теплой водой и держал в дорогих сандалиях, и не

ставил себе этого в вину».

Если уж и великие отцы будут отвечать в том мире за то, что не осудили себя в этой жизни за малые недостатки, как было рассказано, то тем более я, окаянный, увы мне, и подобные мне, которые не только малые недостатки презирают, но и в великих грехах пребывают и не каются, будем достойны великого осуждения, если здесь не омоем грехи своими слезами и милостыней или телесным тяжким страданием, допускаемы Богом, милостивым и душелюбивым врачом, к врачеванию душевных язв, и не примем здесь наказания за согрешения души. Если же здесь не очистившись, отойдем туда, будем подвергнуты жестокому осуждению. Поэтому постараемся плачем, и слезами, и прочими добродетелями излечить язвы душевые с помощью благодати и человеколюбия Господа нашего Иисуса Христа, ему же подобает слава с Отцом и со Святым Духом ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

И это мы слышали у преподобного отца Иосифа. Когда, де, была Орда, называемая «Золотой», ради наших грехов около Русской земли, взяли в плен двух детей боярских христианской веры, двух родных братьев. Один из братьев по понедельникам постился, не ел скоромного. Когда злые те кочевники стали принуждать их есть свою пищу, они, не покорившись, один день терпели голод, а на другой день один из братьев не мог терпеть, стал есть их пищу. Другой же брат, который постился по понедельникам, не покорился им, был голодным. И они начали его бить и принуждать к принятию их пищи; он же три дня голодал и страдал от ран, но им не покорился.

Вечером кочевники, видя его твердость и терпение, связали пленника и бросили под телегу. Он же молился и стойко переносил боль. И около полуночи явился к нему человек светлый и сказал ему: «Востань!» Он же отвечал: «Как мне, господин, встать, если связан я крепко?» Тот же повторил ему: «Востань, не бойся!» Юноша начал вставать, и неожиданно все, чем он был связан, разрушилось; и, когда он встал, светлый тот человек сказал ему: «Не бойся, иди за мною». Когда они шли через безбожное то кочевье, то видели, как в ночи кочевники по их скверной вере творят греховные дела, говоря: «Бог, – мол, – спит», – и пьют без меры, и во всякую скверну языческую впадают. Юноше стало страшно, и сказал ему тот светлый: «Не бойся, только следуй за мной». И так прошли они сквозь все безбожное то кочевье невредимыми. И как вышли из людного места, увидели стоящее дерево. Тот светлый приказал юноше влезть на дерево и сказал: «Никого не бойся, только молчи». Он же спросил его: «Ты кто, господин?» И ответил ему светлый: «Я понедельник», – и исчез.

Юноша, пребывая в великой радости и страшном волнении, сидел на дереве и смотрел на кочевые язычников.

Когда же хватились те злые кочевники сына боярского, обнаружив, что под телегой никого нет, они схватили его брата и начали его бить, говоря: «Ты, – мол, – брата освободил». И избили его, и связали по рукам и ногам, и продели сквозь них палку, и стали на огне печь, как палят свиней, и сожгли его. Когда же рассвело, то кочевье двинулось вперед, и никто из людей не посмотрел на верх дерева. Юноша же слез с дерева, вышел на Русскую землю и пошел не к родным, а в Пафнутьев монастырь, и постригся, и всем рассказал это.

РАССКАЗЫ ОТЦА ПАФНУТИЯ

Поведал нам отец Пафнутий: «Во время, когда был великий мор, в 6935 (1427) году, люди умирали от болезни, называемой “прыщ”: кому суждено было умереть, на том этот прыщ был синим, и после трех дней болезни человек умирал. И которые берегли свою душу, те в покаянии и монашестве кончали свою жизнь. Которые же были духовно неразумны и много пили, так как огромное количество меда было брошено и оставлено без присмотра, те в такое бесчувствие впадали из-за злостного пьянства, что, когда один из пьющих внезапно падал и умирал, они, запихав его ногами под лавку, продолжали пить. И тогда находился без присмотра не только мед, но и ризы, и всякое богатство. Кому же суждено было остаться в живых, на них болячка была красной; и долго болеют, и место то выгнивает, – но не умирают. Однако не много таких было, очень мало осталось людей. И те только золото и серебро брали, а всем другим пренебрегали.

Наказание же то Божие; Бог сотворил так, чтобы было известно, кому умереть или остаться живым, ибо за три дня можно покаяться и постричься в монахи. Которые были одержимы неразумием, те в этом наказании и гневе Божьем, ниспосланном Богом, погибли, как бесчувственные скоты. Мало же и редко осталось людей».

Рассказал же блаженный отец Пафнутий, что в тот мор некая монахиня умерла, но вскоре ее душа возвратилась в тело. И поведала она, что многих видела там: кого в раю, а иных в муке, и монахов, и мирян. И стали рассуждать о тех, о ком она рассказала, что это обрели они согласно их житию, – и открылась истина.

О великом князе Иване Даниловиче

Она рассказывала, что видела в раю великого князя Ивана Даниловича; назвали его Калитою, так как был он очень милостивым, и всегда носил на поясе мешок, полный серебряных монет, и, куда бы ни шел, раздавал нищим, сколько достанет из мешка рука. Один из нищих, получив от него милостыню, вскоре снова пришел, и князь дал ему второй раз. И потом, с другой стороны зайдя, просил, князь же и в третий раз дал ему, говоря: «Возьми, ненасытные глаза». Нищий сказал ему в ответ: «Это ты ненасытные глаза: и здесь царствуешь, и там хочешь царствовать». И стало ясно, что от Бога был послан, искушая его и извещая, что Богу угодно дело, которое он творит.

О видении великого князя Ивана Даниловича

Видел он сон: привиделась ему большая гора, на верху которой лежал снег; и на глазах его снег, растаяв, исчез; вскоре также и гора исчезла. Поведал он о видении преосвященному митрополиту всея Руси Петру. Он же сказал князю: «Чадо мое и сын духовный! Гора – это ты, а снег – я. И прежде тебя суждено мне уйти из этой жизни, а тебе – после меня». И сначала преосвященный митрополит всея Руси Петр преставился, 21 декабря 6834 (1326) года, а великий князь Иван Данилович умер в 6849 (1341) году. И ради добрых его дел инокиня, о которой прежде рассказывалось, видела князя в раю.

И идя оттуда и не дойдя до места мучений, видела ложе, на котором лежал пес, укрытый собольей шубой. Она обратилась к проводнику, спросив его: «Что это?» И он отвечал: «Это агарянин того щербетника, милостивый и добродетельный. Бог избавил его от муки ради несказанной его милостины; но поскольку не потрудился он обрести истинную веру и не крестился, недостоин войти в рай, по слову Господа: “Кто не родится от воды и Духа, не может войти в царство небесное”. Но он был столь милостив, что всех отпускал, избавляя от нужды и всякого долга, и освобождал пленных христиан, посылая за ними по кочевьям и выкупая их; и не только людей, но и птиц отпускал, выкупив их у поймавших. Показал это Господь в понятных для человека образах: ради злой его веры – в образе пса, ради честной милостины – в многоценной шубе, которой покрыт в знак избавления от вечной муки. Там же души неверующих в Бога не в образе пса будут, не шубами покроются, но, как уже говорил, дав ему образ пса, Господь указал на его злование, дав шубу – на честную милостию. Смотри, как велика сила милостины, что и нехристианам помогает!»

О Витовте

Потом же повел ее проводник в место мучений, и многих видела она там в муках, которые обрели за свою жизнь, – и явилась истина. Видела она там в огне человека, который в этой жизни был велик и славен, исповедовал католическую веру, и страшного мурина, стоящего рядом с ним и кидающего ему в рот золотые монеты, выхваченные клещами из огня, и приговаривающего: «Насыться, окаянный!» И другого человека, который в этой жизни назывался Петеля и был любим богатым и знатным человеком, и благодаря тому неправедно стяжал большое богатство, – его видела она нагим и обгоревшим, как головня; и носил в обеих горстях золотые монеты, говоря всем: «Возьмите!» И никто не хотел взять.

И это было показано в привычных для человека образах, что из-за неправды, лихоимства, сребролюбия и немилосердия такое наказание приняли. Там же осужденные не имеют ни золота, ни серебра, и, если бы и давали им их, – никому они там не нужны, но таким образом показал Господь, почему были они наказаны; и не только тех людей, но и добродетельных в телесных образах являет, показывая, за что они были спасены.

О милостыне

Говорил и это блаженный отец наш: «И одна милостыня может спасти человека, если живет, не нарушая законов. Слышал я о некоем человеке, который до конца жизни творил милостыню и, когда он скончался, – как было некоему откровение о нем, – был приведен к огненной реке, а на другой стороне реки – место злачное и очень светлое, садовием украшенное. И не мог он перейти в то чудесное место из-за страшной реки, и внезапно пришло множество нищих, и стали перед его ногами укладываться в ряд, и сделали подобие моста через страшную ту реку – и он перешел по ним в чудесное то место».

Бог мог и без моста перевести через эту реку. Ведь пишется о Лазаре: перенесен был ангелами на лоно Авраамово, хотя и была великая пропасть между праведными и грешными, и не потребовалось моста, чтобы преодолеть ее; но таким образом, ради нашей пользы, было показано наказание грешных и спасение праведного, чтобы мы узнали, за что будем осуждены, и также явил Бог, за что праведный был спасен.

Подобно тому и в «Беседах» Григория Двоеслова написано: через огненную реку мост, а на нем испытание, и грешные при том испытании бывают задержаны бесами и сброшены в огненную реку; а на другой стороне реки такое же место чудесное, всякими красотами украшенное. Праведные же не задерживаются при испытании, но свободно проходят в то чудесное место. И другое многое там писано о праведных и о грешных, показано в образах человеческих.

О князе Георгии Васильевиче

Поведали нам ученики отца Пафнутия: «Имел наш отец обычай вставать прежде заутрени и воздавать Богу молитвы и пение. И когда церковный служитель опаздывал бить в клепало, сам отец его будил.

И в одну из ночей, разбудив служителя, сам пошел и сел на пороге церкви. Служитель медлил, а отец, устав от многоного труда, задремал и видит во сне: ворота монастыря открылись, и множество людей со свечами идет к церкви, и среди них князь Георгий Васильевич. И, подойдя, поклонился церкви и отцу до земли, и Пафнуй сделал так же, как он. И спросил его отец, говоря так: “Ты уже, государь, умер?” Он же сказал: “Отче...” “Каково тебе нынче?” Князь же ответил: “Твоими молитвами Бог дал мне добро, отец, так как когда я шел против безбожных кочевников под Алексин, принес тебе чистое покаяние”. И когда начал звонить церковный служитель, отец проснулся и удивился необычному видению, и прославил Бога.

Тот князь долгое время приходил к Пафнутию как к духовному отцу и жил в чистоте, не зная женщины. И говорил тот князь: “Как пойду на исповедь к отцу Пафнутию, и ноги у меня подгибаются”. Таким был добродетельным и богобоязненным».

О ворах

Поведали нам и это: «Имел наш отец пару волов, на которых вместе с братом выполнял монастырскую работу, и в летнее время оставил их вне обители, в чащे леса. Ночью пришли воры, обrotали их и хотели увести, лишив отца Пафнутия любимой им работы. И всю ночь блуждали они в чаще леса, пока не рассвело. И увидели их монастырские работники, и привели к старцу. Он же, наказав им никогда не брать ничего чужого, повелел их накормить и отпустить».

Поведали нам те же ученики отца Пафнутия,, что некий старый инок (имя его Евфимий), очень духовный человек, имел такой великий слезный дар, что не только в келий, но и в церкви на всякой службе безмолвно испускал теплые слезы. И захотел Бог показать отцу Пафнутию и другим монахам, что не суетные то были слезы, но обращенные к Богу.

Некие два брата имели любовь между собою, отец же Пафнутий был недоволен этим, поэтому они задумали тайно уйти из монастыря. И во время божественной литургии старец Евфимий, о котором говорилось выше, творил обычное для него дело: в сильном умилении испускал теплые слезы – и посмотрел на Пафнутия и на поюющих с ним. Были с ним на клиросе и оба те брата. Старец Евфимий видит: из-за них высунулся некий мурина, на голове которого был очень острый колпак, а сам он был клокат, и клочья были разного цвета; и в руках он держал железный крюк, каким тех братьев стал за ризы притягивать к себе. И, когда привлекал и хотел схватить руками, внезапно железное то орудие лишалось силы и отлетало в сторону.

И это надо понимать так: когда враг внушал им мысль не покоряться старцу и уйти из монастыря и они принимали помысл и действовали согласно ему, бесу было легко притягивать их; когда же сопротивлялись помыслу и отвергали его, тогда железное то орудие лишалось силы и отлетало в сторону от них.

Когда же начали читать святое Евангелие, тогда тот мурина исчез, а по окончании Евангелия снова явился и стал совершать прежние дела; и во время Херувимской песни опять исчез, а по окончании той явился и стал делать так же, как прежде. Когда же возгласил иерей «Изрядно пречистой владычице нашей Богородице», тот страшный мурина, как дым, исчез и больше не являлся.

Тот старец, видевши это, был в сильном волнении и в великом

смятении пребывал все время службы. По окончании литургии, прийдя, поведал виденное отцу Пафнутию. Блаженный же, призвав названных монахов, наставил их не принимать внушаемые врагом мысли и не скрывать их, а искренять покаянием.

Поведали нам ученики отца Пафнутия, блаженный Иосиф. «Некогда, – рассказывал Иосиф, – был я послан отцом в город Воротынск к бывшему там князю ради некоторых нужд и нашел его в великой скорби: у князя был некий человек, очень любимый им, добродетельный и боголюбивый, который всегда давал ему полезные советы, по имени Матвей, по отчеству Варнавин; сын же князя ненавидел его, так как тот давал отцу советы не такие, как он хотел, и поэтому приказал одному из своих слуг убить его; князь же об этом ничего не знал.

Когда убили Матвея, захотел всесильный Бог отомстить за кровь праведного, возопившую к нему от земли, как в древности Авелева. И поэтому сын князя, приказавший убить Матвея, вскоре внезапно умер; также и убивший праведного по его приказу умер злой и неожиданной смертью. Мать того убийцы захотела на третий день по обычай принести дары в память о нем. Священник же облачился в одежды, послал за просфорами, желая начать проскомидию, чтобы принести дары об убийце. Пекущий просфоры открыл печь, чтобы взять их и отправить к священнику, – и увидел печь, полную крови. Священник же и все бывшие с ним в великом страхе прославили Бога, отомстившего за кровь праведного, несправедливо пролитую, и поняли, какое наказание приняли убийцы праведного, ибо были лишены они всякой помощи».

Тот же отец Иосиф поведал нам. «Слышал, – говорил, – от отца Пафнутия, как блаженный Петр Чудотворец, преосвященный митрополит всея Руси, в соборной церкви Успения пречистой Богородицы, которую сам создал, начал молиться о некоторых государственных делах. И пришел к нему монах, его келейник, по прозванию Целада, и сказал ему: “Ты молишься и хочешь быть услышан, а в казне у тебя три рубля”. Петр тотчас повелел ему раздать деньги нищим и сразу же получил то, о чем просил в молитве». Смотри, какое нестыдование имел этот блаженный, вот почему он был назван новым чудотворцем.

Тот же отец Иосиф поведал нам. «Некий, – говорил, – разбойник, именем Яков, прозванием Черепина, был очень жесток, и, вспомнив все совершенное им зло, пришел к старцу Пафнутию, и постригся в монахи. Но вскоре, отказавшись от монашества, стал снова разбойничать. И однажды, когда отец Пафнутий стоял в монастырских воротах, а Яков ехал мимо на коне, отец-игумен сказал ему: “Горе тебе, побежденный

страстями человек, двойное зло сотворил ты: отверг монашество и возвратился к первоначальным злым делам, как пес на свои блевотины!” Разбойник достал саблю и хотел убить Пафнутия, но удар пришелся по верее, за которую отец успел скрыться.

Потом, вспомнив свои злые дела и постыдившись вернуться к отцу Пафнутию, пошел он к отцу Варсонофию, который жил в пустыне за пределами Савина монастыря, и там окончил жизнь свою в покаянии и слезах. Услышав об этом, Пафнуй сказал: “Того ради даровал ему Бог такой конец, что ни одного человека не предал он смерти, и дружине своей запрещал, и тех, кого хотели убить, взяв, отпускал”».

Поведал некий монах: «Во время нашествия кочевников, по Божьему попущению, ради грехов наших, многие христиане попали в плен. Один из язычников взял в плен монаха и девицу: монаха, связав, он бросил на землю, а девицу отвел в жилище свое и ненадолго ушел. Девица сказала монаху: “Отец мой и господин, я знаю, что хочет со мной сотворить этот беззаконный; если ударю его ножом, не будет ли на мне греха?” Он же ответил: “Бог благословит тебя, дочь моя: язычник, прия в ярость от этого, убьет тебя, и ты будешь с мучениками”. И пришел враг, и хотел коснуться ее, она же ударила его ножом в руку. Он, разгневавшись, взял меч и иссек ее, и стала она мученицей Христовой.

Тогда же попали в плен два воина и лежали связанные. И приказал нечестивый князь отрубить им головы. И к первому пришел палач, и поднял меч над ним, он же закрыл глаза и перекрестился, и был убит, и стал мучеником Христовым. И над другим был поднят меч, он же испугался, прельщенный дьяволом, увидевшим пяту его, то есть конец жития, и вскричал ужасным голосом, подобным рыданию: “Увы мне! Не убивай меня: я обращусь в вашу веру!” И как только произнес тот проклятый эти слова, тотчас был убит. И произошло чудо, любимые: в одно мгновение один попал в руки Бога, другой – в руки дьявола».

Этого ради, как сказал я прежде, шествуя по пути добродетели, надо быть внимательным к своему внутреннему миру и молиться Богу со слезами, чтобы не оставил нас искушенными от дьявола и погубившими наш труд; особенно в таких бедах, как вражеское нашествие, надо углубиться в самопознание и молить Бога со слезами, чтобы в один час не погибнуть и телом, и душою; поэтому и просим в молитве: «Не введи нас во искушение», – то есть просим не быть побежденными искущением, душою и телом совершая подвиги до смерти, претерпев искушение, приходящее к нам от врага-дьявола, чтобы принять от Бога венец терпения.

В то же время пленили жену некоего воина. И он, взяв с собою одного

только пса и меч, пошел вслед за врагами. Они же пришли в одно село боярское, оставленное людьми, и нашли много хмельного пития. И опились им из-за сильного зноя, и спали, как мертвые; воин же секирою всем отсек головы. И вошел в одно из жилищ, и увидел свою жену, лежащую на постели с главным из врагов, спящую, как и они, после долгого пьянства. Она, увидев мужа, разбудила язычника. А он, встав, начал биться с ее мужем и, победив, сидя на нем, стал вынимать нож, чтобы его зарезать. Пес же, увидев, что его хозяин может быть убит, стал хватать врага за губы, глаза и голову, стащил его со своего господина. И он, встав, убил язычника, и, взяв жену свою, новую Далилу, ушел оттуда, и поступил с ней, как захотел.

О, бесование женское! И зверей явились злейшим: пес избавил своего хозяина от смерти, жена же предала его на смерть. Изначала все злое роду человеческому было от женщины: Адам из-за жены был изгнан из рая, и поэтому весь род человеческий был осужден на тление и смерть; премудрый Соломон из-за жен отстранился от Бога; также и великий Самсон, освященный в чреве матери, женою был предан иноземцам, и ослеплен, и удалился от Бога. Не только в Ветхом, но и в Новом завете, не только миряне, но и монахи, и те, кто возлюбил пустынное житие, из-за женщин погибли и иноческий свой труд погубили. Сначала и доныне дьявол женщинами прельщает род человеческий. Таких, победивших этот искус, – как прекрасный Иосиф, которому за это из века в век творят похвалу, хотя он потом и имел жену, – и девство сохранивших, в Ветхом завете было очень мало. А с тех пор, как от Девы произрос цвет жизни, Господь наш Иисус Христос, бесчисленное множество людей сохранило девственность и совершает этот подвиг; их больше песка морского, не только монахов, но и мирян, которые брак презирают и в подвиге девственности подвизаются, и творят его до конца жизни во славу Бога, ему же слава ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Поведал нам некий отец: «В некотором селе к одному пресвитеру пришли сельские жители в святую Великую среду, чтобы по христианскому обычаю в святой Великий четверг причаститься пречистого тела и честной крови Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. И вечером в среду после окончания обычного правила священник исповедовал всех. В четверг же ночью некий человек, прельщенный дьяволом и побежденный похотью, пришел к своей жене, чтобы совокупиться с нею. Она же долго его поучала, указывая ему на то, что скоро кончится время поста, и напоминая о постнических трудах, которые он претерпел, и о том, что из-за малой похоти приходится им лишиться

животворящего тела и честной крови Господа нашего Иисуса Христа. И долго она поучала его, и не повиновалась ему. Он же, устыдившись ее речей, ушел. Но, распаляем дьявольским желанием, не мог удержаться, и, стремясь к своей погибели, вошел в конюшню, и начал совершать грех со скотиною, и внезапно упал, умерев смертью, достойной рыдания. Утром стали его искать и не нашли. Когда же хотели вести коней на водопой, под их ногами обнаружили того человека мертвым; и всех охватил великий страх.

И другое, подобное тому, было в некоем монастыре, близ которого было село; один монах пошел туда, и был побежден похотью, и совокупился с женщиной. И, когда лежал на ней, внезапно умер».

Так случается умереть тем, кто не радеет о конце человеческой жизни. И Господь, прогневавшись, не дает ему дождаться урочного часа ради пренебрежения к концу жизни, серпом смерти посекает его прежде времени, чтобы и живые, видя это, убоялись и не оказались в таком же положении, как пишется: «Враг видит пяту человека, то есть конец его жизни, и тотчас уловляет в свои сети». Грешить перед Богом человеку в то время, когда приблизился конец его жизни, значит – лишиться покаяния и умереть в своем грехе, по пророческому слову: «Каким тебя обрету, таким и судить буду», – говорит Господь. Поэтому подобает каждому христианину ежечасно молиться о том, чтобы Бог дал не скорую смерть, а позволил в покаянии принять конец христианской жизни, и всегда думать о неожиданном пришествии смерти.

И праведным случается быстро умереть ради наставления нам, чтобы мы, убоявшись, покаялись, а им в том нет вреда, но большая похвала, так как они всегда готовы к смерти. Горе мне, такому, и другим, подобным мне! Господь-человеколюбец, когда видит подходящий к концу урок жизни какого-либо человека, ради какой-нибудь прежней его добродетели обратит его мысль на покаяние, как пишется в Отченике: «Некая монахиня ушла из монастыря и долгое время пребывала в телесном грехе. Потом покаялась и пошла в свой монастырь, но перед воротами, упав, умерла. И было откровение о ней некоему монаху: бесы спорили с ангелами о ней: “Наша есть и много времени работала у нас!” Ангелы же говорили: “Но покаялась”. Бесы утверждали так: “Не успела и в монастырь войти”. Ангелы отвечали: “Как та владела покаянием, так Бог – жизнью”. И, взяв душу ее, отлетели, а бесы были посрамлены».

Это Господь-человеколюбец совершает по милости своей; вселукавый же дьявол видит конец установленного срока человеческой жизни и прельщает его совершить грех, как я прежде говорил, чтобы тот не имел

времени для покаяния; иных же прельщает грешить до самой кончины, и те восхищаемы бывают без покаяния.

Поведал нам отец Паисий Ярославов: «Рядом с одним монастырем жил инок-отшельник, и спустя время он начал говорить старцам так: “Является мне апостол Фома”. Они же сказали ему: “Не воспринимай это наваждение, но твори молитву”. Он же отвечал им: “Когда я молюсь, и тот со мной молится”. Старцы долго наставляли его, он же не послушал их. Длительное время прельщенный монах не причащался божественных тайн, крови и тела Христова. Старцы и отец Паисий корили его за это; он же, побежденный кознями дьявола, отвечал монахам: “Апостол Фома не велел мне причащаться”. Старцы и отец Паисий говорили ему с великим осуждением: “Безумный инок, ты прельщен бесовским наваждением”, – и многими жестокими словами укоряли его, и наставляли не внимать козням дьявола. Прельщенный же монах говорил старцам: “Как придет ко мне апостол Фома, я у него спрошу, велит ли мне причащаться”. Спустя немного времени прельщенный инок сказал старцам: “Апостол Фома велел мне причащаться и говеть неделю, с пятницы до субботы”. Но на заутрене среди монастырской братии не оказалось того монаха. Игумен послал проводить его в келию: может быть, заболел и потому не пришел на службу. Пришедшие нашли его мертвым, удавленным за щеки руками злого беса, который являлся ему в образе апостола Фомы».

Вселукавый Сатана, принимая разные образы, стремится погубить человека. Если видит кого не совершающего злые дела, а подвзывающегося в добрых, стремится подчинить его своей воле и заставить ни с кем не советоваться, как пишет святой Дорофей: «Во многом совете спасение бывает, последующий самосмыслению падает, как лист». Потом вселяет в него дьявол тщеславные помыслы, то самосмысление – начало и корень тщеславия, так как человек мнит себя не только способным как следует жизнь свою устроить, но и самым разумным, не нуждающимся в совете, он с яростью отвергает против него сказанное и желает, чтобы слова его, как речи Богослова, слушали. Когда же видит вселукавый дьявол, что укрепится в этом прилежащий к добродетели, то начинает прельщать его блесканием света или каким-нибудь видением в образе ангела или святого. И если человек в это поверит, как вышеназванный брат, то тогда погибает; не только прилежащий злу человек, но и творящий добро, – погибает от самосмысления.

Поведал нам священноинок Иона, духовник преосвященного тверского епископа Акакия: «В то время, когда я еще жил в монастыре Святого Николы на Улейме, некий священноинок начал служить святую

литургию в обители. И, когда хотел читать святое Евангелие, внезапно упал, как мертвый. Монахи, взяв его, вынесли из церкви. Через несколько дней к нему вернулся дар речи. Братия стала спрашивать его о случившемся. Он же начал рассказывать со слезами: “Я, окаянный, лишившись разума, совершил прелюбодеяние и осмеливался служить божественную литургию. И в одну из ночей на неделе, в которую служил, был в селении и совершил грех прелюбодеяния. И до такой степени утратил рассудок, что не потрудился после этого не только омыть нечистое тело, но и переменить оскверненную ризу, и, выполнив проскомидию, начал служить божественную литургию. Когда прочли Апостол и начали петь «Аллилуйя», а я хотел пойти читать святое Евангелие, то увидел старого человека с бородой, стоящего за престолом с жезлом в руке (по облику можно было узнать, что это святой Николай). И сказал он мне с яростью: «Не смей служить, окаянный!» Я же думал, что это призрак, и, чтобы не опоздать, поторопился начать чтение. Он же ударил меня по голове и плечам жезлом, который был в его руках. И я упал, как мертвый, и долгое время лежал на постели парализованный”. И сказал тот священноинок Иона: “Не знаю, каким был его конец, ибо я ушел из монастыря”».

Миряне, которые не удержатся и впадут в скверну злого прелюбодеяния, если не покаятся, разжигают для себя печь великого неугасимого огня; но более мирян возжигают геенский огонь монахи, впадающие в такой грех. Кто может вымолвить, что не только в мире живущие, но и в иночестве пребывающие побеждаются любовной страстью; больше мирских наказание они примут, если посягнут на священнические обязанности; и мирские попы после жен своих, побежденные любовным влечением, которые решаются служить в церкви, больше простых смертных будут осуждены; монахи же, одержимые любовной страстью и дерзающие быть священниками и касаться неприкасаемых, чего трепещут касаться и слова самаритян, а они, теряя последний рассудок и надежду, побеждаемые неверием в грядущий суд и воздаяние, осмеливаются совершать таинство и касаются некасаемого. И не только до священничества, побеждаемые нечистыми помыслами, дерзают служить, но и после принятия священства, совершая то же, осмеливаются творить службу, хотя недостойны и к алтарю приближаться.

И Господь-человеколюбец, если захочет ради какой-либо добродетели на кого-нибудь из тех излить каплю своей милости, пошлет на него скорбь, и запретит такую дерзость, и страданием обратит на покаяние. Если же от кого отступится и не оградит страданиями от такой дерзости, те навсегда

будут оставлены Богом и достойны слез, так как там обретут вечное наказание за свой грех. Не только священноинокам и мирским иереям, но и простым монахам и мирянам, которые неудержанно стремятся к существующим в этой жизни плотским грехам и осмеливаются принимать причастие без должной епитимии и покаяния, если страданием не оградит их Бог от этого, то в конце жизни и после смерти укажет им, какого наказания они достойны. Бог это творит не ради их пользы, но наставляя нас на страх и покаяние. Также он и добродетельных в конце жизни и после смерти объявляет добрыми знамениями, поучая нас быть подобными им, и прославляет угодивших ему, как я прежде говорил.

Поведал нам отец Иосиф: «Когда я был в честной обители преславной Богородицы на Симонове, по повелению правителя привезли туда расслабленного человека и постригли. И я пошел посетить его и спросил о причине его болезни. Он же, вздохнув, сказал: “Отец мой и господин, вот причина моей напасти. Когда приближался праздник святых верховных апостолов Петра и Павла, у церкви которых я жил, то, посоветовавшись с соседями, сотворили мы в честь святых апостолов сообща хмельной напиток из меда. Я же, окаянный, на святой праздник до литургии, взяв с собой некоторых, начал пить вино. И, когда лежал я, словно в исступлении, увидал человека, борода которого была черной и выющейся, а сам был плешив и взором страшен. И посмотрел на меня с яростью, и ударил меня правой рукой по щеке; и с той стороны выпали зубы мои, а я от страшного удара был весь расслаблен и лежал, как мертвый. Вошли в комнату бывшие в моем доме люди, думая, что я сплю, чтобы разбудить к литургии, и увидели меня, расслабленного и полумертвого, и нашли пять зубов на моей постели. Спрашивали, что случилось со мной. Я же, окаянный, едва пришел в себя и рассказал им все, как и тебе; и охватил всех страх, и поняли по описанию, что мне являлся апостол Павел”. И со многими слезами прославили они Бога и святых апостолов, молясь, чтобы милостив был к нему Бог молитвами святых апостолов. Пробыл он год в монастыре, кааясь, и потом умер».